

наряду с которым сказывались и другие правовые системы, в том числе византийская. Якоби проследживает византийское происхождение ряда ассиз, а именно о виллане, который становится человеком другого сеньора, если проживает на его земле 30 лет; о наследовании земель «по греческим нормам», когда феоды греческих архонтов и стаи вилланов не переходили старшему сыну, а разделялись поровну между всеми сыновьями; об исполном договоре; о штрафах за нарушение контракта (стр. 32—38).

Ассизы не получили официального утверждения в Морее, но тем не менее они приобрели популярность и широко распространились в латинских государствах на византийской территории — при всем многообразии их политической и правовой структуры. Последнее наблюдение, хотя и не относится непосредственно к теме книги, имеет большое значение. Якоби отмечает, во-первых, особенности венецианского государственного права, которое исходило из наличия государства — обладателя политических, юридических и фискальных прерогатив, и во-вторых, многообразие форм отношения греческих архонтов с завоевателями: на Негропонте число греков в составе нового господствующего класса было невелико, в Морее и на островах Архипелага они составили существенный элемент класса феодалов, а в некоторых случаях (на островах Тинос и Микон) этот класс состоял преимущественно из греков, феодальная иерархия не сложилась и земельные собственники рассматривались как прямые вассалы правителя острова (стр. 309 и сл.; ср. стр. 246 и сл., где идет речь о пронии на Тиносе и Миконе).

После византийского завоевания Морей Ассизы были вытеснены отсюда, но сохранили свое значение в других областях, в том числе на Корфу, где они засвидетельствованы в XV в. (стр. 253—270). Венеция также использовала в своих владениях нормы морейского права (стр. 295—308).

В Приложении публикуются 20 отрывков из неизданных постановлений венецианского сената XIV—XVI вв., касающихся «Ассиз Романии» (стр. 315—333), а также глоссарий из уже упомянутой Филадельфийской рукописи (стр. 33).

А. К.

D. Podskalsky. Byzantinische Reichsideologie. Die Periodisierung der Weltgeschichte in den vier Grossreichen (Daniel, 2 und 7) und dem Tausendjährigen Friedensreiche (Apok., 20). Eine motivgeschichtliche Untersuchung.

«Münchener Universitäts-Schriften. Reihe der philosophischen Fakultät», 9. Wilhelm Fink Verlag. München, 1972, S. XII +114.

Уже в заглавии книги молодого мюнхенского социолога Г. Подскальского обнаруживается противоречие, которое присуще и самой работе. С одной стороны, это исследование двух литературно-мифологических (библейских) образов, эволюции их понимания в раннехристианской, византийской, средневековой греческой и славянской литературах; с другой — ряд замечаний о характере имперской идеологии в Византии, замечаний, имеющих общее значение и, как мне кажется, выходящих далеко за пределы того довольно ограниченного материала, который содержится в византийских толкованиях видений в книге Даниила (гл. 2 и 7) и в Откровении Иоанна (гл. 20).

По своей структуре монография четко распадается на две части (я имею в виду не ее формальное разделение автором на два раздела, из которых первый посвящен книге Даниила (стр. 4—76), а второй — Откровению (стр. 77—103), но ее внутренний, сущностный строй): подавляющее количество страниц отдано последовательному обзору толкований книги Даниила и Откровения, но в двух параграфах, соответственно озаглавленных «Эсхатология или идеология?» (стр. 70—76) и «Утопия или суверие?» (стр. 101—103), содержатся выводы или выходы в характеристику политического мышления Византийской империи.

Обзор написан, я бы сказал, с соблюдением лучших и худших традиций мюнхенской филологической школы. Тщательно выверенные факты, обширная библиография, привлечение рукописей — все это делает книгу Подскальского надежным и удобным справочником. Вместе с тем традиционный для филологической науки «жанровый» принцип распределения материала и вырывание исследуемых произведений из исторического контекста обедняют картину и затрудняют понимание эволюции византийской общественной мысли. В самом деле, Подскальский рассматривает в двух местах (стр. 11 и сл., стр. 35 и сл.) трактовку видения Даниила у Евсевия Кесарийского: выделение второго параграфа вызвано тем, что фрагменты из Евсевия дошли до нас в составе сборника катен Иоанна Друнгария. В результате этого Евсевий (как и некоторые другие авторы, включенные в сборник Иоанна) характеризуется после Феодорита Киррского, писавшего, на самом деле, позднее его. Напротив, ряд авторов IX—X вв.: Георгий Монах (стр. 58 и сл.), Псевдо-Афанасий Синаит (стр. 44 и сл.), Васлий, епископ Новый Патр (стр. 38 и сл.) — разбираются в соответствии с их жанровой принадлежностью в разных частях книги, отчего имеет тенденцию улетучиться то общее, что их всех объединяет: четкая трактовка Византийской империи как христианского

государства. Эта общность воззрений авторов, принадлежащих одной эпохе, грозит ускользнуть еще и потому, что Подскальский индифферентно относится к хронологической привязанности того или иного автора: о времени жизни Георгия Монаха не говорится вовсе, а время жизни Василия, епископа Новых Патр, определяется только в примечании (прим. 242).

Далее, справедливое суждение о компилятивной природе толкования Арефы Кесарийского на Откровение (стр. 88—91) несомненно выиграло бы в свете общего суждения о творчестве Арефы, более того — обо всей эпохе, когда писал Арефа (начало X в.), эпохе формального компилирования, достигающего апогея в деятельности окружения Константина VII. И точно так же концепция Иоанна Зонары, констатирующего, в связи с анализом видения Даниила слабость государства ромеев (стр. 59 и сл.), стала бы яснее, если учесть критическое отношение к правлению Алексея I не только самого Зонары, но и определенных кругов чиновничества и высшего духовенства того времени (можно вспомнить в этой связи хотя бы инвективы Иоанна Антиохийского).

Короче говоря, классификация материала по жанрам претягивает, как мне кажется, выяснению исторически обусловленного движения общественной мысли и способствует упрочению иллюзии о неизменно стабильной византийской структуре мышления. В соответствии с этим в обобщающих параграфах книги Подскальского фактор времени практически отсутствует: автор утверждает, что сложившаяся к V в. система взглядов в дальнейшем стандартизуется. «Фикция непрерывного единства имела тенденцию прикрыть бесспорный упадок [политической мысли]» (стр. 70 и сл.).

Основы византийской имперской идеологии были заложены, по мнению Подскальского, Евсевием Кесарийским, который принял сирийскую экзегезу книги Даниила с ее ориентацией на историю, а не на будущее: с правлением Константина I уже устанавливалось царство благочестия, идеальный порядок (христианская империя) уже оказывается воплощенным. Эту метаморфозу Подскальский называет «идеологизацией византийской имперской эсхатологии» (стр. 71). Понятие «идеология» употребляется автором в узком и для нашего читателя непривычном смысле: это — сумма представлений, с помощью которых общество, опираясь на ложные воззрения и устаревшие формы мышления, оправдывает себя (стр. 73). Если эсхатология и миф оставляли место для критического отношения к данной действительности (переноса идеал в будущее), то идеология, рационализировав историю и освободив ее от мифа, претендует на то, что современность есть окончательный момент в мироздании (стр. 72 и сл.). Оба типа византийского толкования книги Даниила — «политический» (Рим есть воплощение «царства вечного») и «религиозный» (вечное царство есть слияние Рима и царства Христова) — исходили из принципа, что монархия — единственно мыслимая форма государства. Ни одна ересь не поставила под сомнение принцип «византийской имперской идеологии» (стр. 73 и сл.).

Соответственно этому тысячелетнее царство, о котором идет речь в Откровении, понималось в Византии как продолжение существующего, а не как «революционная утопия», не как «анархический корректив к иерархическим структурам» (стр. 101 и сл.).

Книга Подскальского интересна по двум причинам: как первый опыт «вертикального» прослеживания судьбы данного литературно-мифологического образа и как (крайне редкая пока еще) попытка приложить к Византии ряд социологических понятий, выработанных вне византиноведения. Однако оба эти направления не «сошлись» в книге: выводы не вытекают из материала, и более того — они слишком значительны, чтобы их можно было построить на таком ограниченном материале, как экзегеза двух библейских образов. Действительно «идеологизация эсхатологии» имела место в Византии, действительно в Византии политические дискуссии не достигали той драматической остроты, которая на Западе выливалась то в анафему Каноссы, то в канонизацию королей (стр. 74 и сл.), — в этом, видимо, проявлялась относительная уравновешенность византийского мышления, но думается, что Подскальский абсолютизирует частные наблюдения или, вернее, распространяет на Византию некий вне и до источников созданный априорный образ, когда он вовсе отрицает возможность возникновения здесь принципиальной критики существующего порядка. Богомильский дуализм, критика императорской власти у Никиты Хониата, трагическое восприятие разрыва идеи «христианского государства» и политической катастрофы у историков XV в., попытки реформы зилотов — все это, думается, стоит вне «узкой» темы Подскальского, но, как мне кажется, противоречит его «широким» выводам.

А. К.